Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 68. С. 132–145.
Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2022. 68. pp. 132–145.

Научная статья
УДК 008
doi: 10.17223/1998863X/68/13

ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ПОЛИТИКА КАК КАТЕГОРИИ ПЕРМАНЕНТНОЙ СОВРЕМЕННОСТИ

Ярослав Владимирович Мальцев

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, maltsevyaroslav@gmail.com

Аннотация. Рассматривается соотношение понятий «цивилизация», «культура», «модерн», «постмодерн», «межцивилизация» и «политика» в контексте их диалектической взаимозависимости и взаимообусловленности. С точки зрения автора, указанные понятия образуют статику и динамику перманентной современности, понимаемой в качестве особой ситуации отношений человека (как cogito, как фихтеанское/лакановское Я=Я) и бытия.
Ключевые слова: современность, модерн, постмодерн, культура, цивилизация, политика

Для цитирования: Мальцев Я.В. Цивилизация и политика как категории перманентной современности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 68. С. 132–145. doi: 10.17223/1998863X/68/13

Original article

CIVILIZATION AND POLITICS AS CATEGORIES OF PERMANENT MODERNITY

Yaroslav V. Maltsev

Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation, maltsevyaroslav@gmail.com

Abstract. The phenomenon of modernity excite people, presumably, from the moment when a person became a reflexive being: perceiving himself as a creature living in time and space, surrounded by other objects and subjects; as an active creature. Acting and speaking. Language – is a way of encrypting / decrypting the world – in time immemorial turned out to be the cornerstone of the appearance of a person / subject, and together with a person / subject and modernity as situation of existential problematization of the current moment of individual life. A man as a subject has existed since the emergence of language and reflective consciousness. Likewise, modernity, which is the primary element of culture and civilization, is eternal to man: from the link man-time, subject-modernity, culture arises, civilization is born, all forms of human existence arise. Modernity is a derivative of human rootedness in time. Hence its permanent character: it is the result of a human-human dialogue and human reflection, permanently unfolding in time. Hence, permanent modernity, which structurally, as shown in the article, consists of the following elements: 1) civilization (foundations set by conditions and reflected in the mentality, assimilated a priori), 2) modernity (a stable value scale of civilization, expressed in artistic practice and forms of political request, including at the level of theses: “time is money”, “Reason, Emancipation, Progress”, etc.), 3) culture (forms of social life in modern conditions, accepting micro- and macro-forms), 4) postmodernity (situations groping for new foundations, unfolding in the horizon of culture, but with the goal of modernity and civilization), 5) the intercivilizational era (the position of breakdown), 6) the subject (a person who realizes his own self and creates a project for a social future), 7) a multitude (a community of followers, emerging around the subject), 8) politics (procedures for the implementation of modernity in the field

© Я.В. Мальцев, 2022

of intersubjectivity, the final mechanism of cultural transformation, where do not merge love, philosophy and art, and the main movers are the subject, utopia and revolution, hidden in the space of everyday life). At the same time, civilization and politics form a static-dynamic whole, within the boundaries of which culture in the broad sense of the word develops and unfolds.
Keywords: modernity, modernity, postmodernity, culture, civilization, politics

For citation: Maltsev, Ya.V. (2022) Civilization and politics as categories of permanent modernity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 68. pp. 132–145. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/68/13

Феномен современности, *modernity*, волнует людей, предположительно, с момента, когда человек стал существом рефлексирующим: воспринимающим себя в качестве создания, живущего во времени и пространстве, в окружении других объектов и субъектов; в качестве *твари действующей*. Действующей и говорящей. Язык – средство шифровки/расшифровки мира – в незапамятные времена оказался краеугольным камнем появления человека/субъекта, а вместе с человеком/субъектом и *современности – ситуации экзистенциальной проблематизации текущего момента индивидуального бытия*.

Человек как субъект существовал с момента возникновения языка и рефлексирующего сознания. Аналогично и *со*-временность, являющаяся первичным элементом культуры и цивилизации, совечна человеку: из связки человек-время, субъект-современность возникает культура, рождается цивилизация, возникают любые формы человеческого бытия. *Современность – производная укорененности человека во времени.* Отсюда ее *перманентный* характер.

Однако отношения человека и современности в теоретическом поле складывались непросто. До нас дошли письменные источники (например, египетские), где авторы четко выделяли свое время, отделяя его от времени предшествующего, но только античная эпоха дала нам как слово, которым мы пользуемся сегодня, так и его некоторое концептуальное наполнение: Кассиодор использовал дефиницию «modernus» (modo (лат.) – сейчас), чтобы разграничить предшествующую языческую эпоху и эпоху текущую, христианскую, в которой жил сам [1. С. 27–40]. В дальнейшем *modernus* превращается в modern (франц. moderne, от старофр., от позднелат. modernus, от лат. modo [2]) как обозначение текущего момента истории и социальной жизни; момента жизнедеятельности поколения, которое использует это слово. «Модерн» будет словом-противопоставлением, отделением одной исторической эпохи от другой: Античности от Средневековья, Средневековья от модернити и модернити от постмодерна. В результате *модерн*, если таким образом проследить его этимологию, оказывается не столько периодом эстетическим (Ш. Бодлер [3. С. 283–315], О. Уайльд) и(или) периодом определенной формы организации социума (фабрики Форда, бюрократия, Паноптикум по Веберу, эмансипация и прогресс у Гидденса), сколько *формой культуры, в основе которой находится некая семантика*.

В подобном контексте модерн – это внятные культурные формы, «присваивающие» себе человека: человек входит в них, социализируясь, приобретая так называемый эстетический вкус (одежда, мебель, жилище) и этические ценности (моногамия, гетеросексуальность, запрет убийства, а может, про-

тивное этому). Момент, когда эти ценности ясны – модерн. Ситуация, когда эти ценности подвергаются подрыву (в игровой форме, в форме критики, через деконструкцию) – постмодерн. Разумеется, модерн М. Вебера [4], Ю. Хабермаса [5], Э. Гидденса [6] отличается от модерна Кассиодора или Гегеля, но все дефиниции модерна имеют одну важную черту – они *описывают время как форму*, как формальность, как набор культурных характеристик, присущих социуму на определенном участке пространства-времени. *Момент подрыва этой формы – постмодерн*, отрефлексированный Ж. Лиотаром в 1979 г. [7], но, безусловно, существовавший много раньше: сам «основатель постмодерна» считал его составной частью модерна, постоянно в модерне присутствующей и нацеленной на его критику и изменение. По мнению Лиотара, постмодерн – не следующая стадия модерна, а имплицитно присущая модерну мысль о новой возможности, новом порядке; свойство динамического, если угодно, диалектического развития модерна [8. С. 27–32]. Иными словами, для бывшего марксиста Лиотара постмодерн относительно модерна играет ту же роль, что коммунизм относительно социализма для Маркса: *инструментарий критики и проекции, нацеленных на изменение и будущность*. Эти размышления Лиотара почему-то игнорируются большинством изучающих постмодерн, но кажется справедливым отталкиваться от них: Лиотар – автор концепта, а сам инструментарий постмодерна – игра, критика, деконструкция, множественность, «Культура – это жизнь наоборот»[1] – инструментарий завоевания нового политического пространства в культуре: «Постмодернизм в высшей степени современен. В высшей потому, что намеренно забегает вперед, опережает время, потому что высота, пик его в будущем» [9. С. 168]. *Модерн – цементированное состояние формы, постмодерн – текучее состояние подрыва формы.* В оптике марксизма: каждая текущая формация до определенного момента сдерживает в себе латентные силы грядущей формации, которые еще оформляются, находясь в конкурентной среде, в среде постоянных угроз и риска, и посредством этого получая свою огранку, выкристаллизовываясь как следующая цивилизация, как следующий модерн. Культура – Leitkultur, контркультра – это подвижное проективное состояние общественного разума, в то время как цивилизация – его застывшая форма [10]. Модерн – это цивилизация. Постмодерн – феномен культуры. Момент кардинального разлома, когда рушатся и основания модерна, и основания постмодерна – ситуация межцивилизационной эпохи [11. С. 17], примерами которой могут служить: Второй переходный период в Египте (XIII–XVII династии), когда социальный взрыв, всеобщий хаос и вторжение гиксосов, судя по сохранившимся текстам-плачам, вызвали кардинальный слом устоявшегося порядка; падение Западной Римской империи и образование массы королевств на территории современной Европы. В России, пожалуй, в качестве таковой можно обозначить эпоху Петра I, когда наследие Византии и Орды худо-бедно пытались заменить на европейское платье, или революцию 1917 г., явившую собой радикальный опыт и для страны и для мира. В период межцивилизации «старые права уже не обязывают, а новых еще нет. Старый властелин, который надзирал за исполнением права, уже не существует и никто не знает, каковы будут решения, принятые

[1] «La culture est l‘inversion de la vie» – лозунг революции 1968 года во Франции.

новым, потому что даже личность этого нового была не известна» [12]. Разумеется, в своем конкретном-историческом воплощении все эти периоды существуют, сосуществуют и накладываются друг на друга, образуя культурно-историческую динамику: мы можем посмотреть на советский проект как на постмодернистскую ситуацию относительно буржуазного проекта, которой не эволюционно, но революционно, т.е. с проваливанием в межцивилизацию, удалось в рамках конкретного пространства-времени попытаться, разрушив несовершенную, но существующую модернистскую модель, реализовать более совершенный проект модерна (как его видели Кант и Маркс). Однако после короткого опыта ситуация вернулась к общему цивилизационному, модерному, развитию Европы. Тем не менее, Советский Союз какое-то время пытался являть собой другую форму европейского модерна, существуя в границах европейской культуры и цивилизации.

Именно в подобном отношении (модерн-постмодерн как цивилизация-культура) и возникает ситуация конца XX – начала XXI в., которую можно было бы обозначить, как *ситуацию полимодерна*: когда на основу – модерн – накладывается большое разнообразие приставок-рефлексий, объединенных дефиницией постпостмодерн (Л. Хатчеон)[1]: надсовременность или сверхсовременность (*la surmodernité*, М. Оже)[2], гипермодерн (Ж. Липовецкий), текучая современность (*liquid modernity*, З. Бауман) = поздняя современность (*late modernity*, Э. Гидденс), «иной модернизм» (*altermodernism*, Н. Буррио), космодернизм (*cosmodernism*, К. Морару), цифромодернизм (*digimodernism*, А. Кирби), метамодернизм (*metamodernism*, Р. ван ден Аккер и Т. Вермюлен), неомодернизм (А.А. Пелипенко); сюда же можно отнести постгуманизм (*post-humanism*), перфоматизм (*performatism*), вторую современность (У. Бек), время «после конца истории» (Э. Чоран).

Рубеж 1990–2000 гг. столкнулся с огромным количеством предлагаемых «*n*-модернов», число которых, умножаясь и множась, сегодня начинает стремиться к бесконечности, коррелируя с числом PhD по философии, обративших внимание на те или иные особенности культуры контемпоральности и попытавшихся эти особенности ухватить. Постмодерн в таком ракурсе анализа культуры растворяется и исчезает. А. Кирби [14] отмечает, что большинство постмодернистских текстов: «Женщина французского лейтенанта» (Д. Фаулз), «Ночи в цирке» (А. Картер), «Если однажды зимней ночью путник» (И. Кальвино), «Мечтают ли андроиды об электроовцах?» (Ф. Дик) – совершенно неактуальны для ныне живущего поколения и описывают в качестве фантастических вещи, окружающие сегодня каждого человека с рождения. С точки зрения Кирби, на начало XXI в. постмодернизм *dead and buried* (мертв и похоронен), а в культурной жизни (кино, музыке, научных конференциях) – лишь иногда проскакивают намеки на постмодерн или имена, с ним связанные: Деррида, Фуко, Бодрийяра. О конце постмодернизма объявили и такие ведущие его теоретики, как Л. Хатчеон [15. P. 181] и И. Хассан [16].

---

[1] Иногда принято различать «модерн» и «модернизм» по их отношению ко времени и культуре: наличие суффикса «-изм» указывает на мысль, на интеллектуальное направление; отсутствие суффикса – на исторический период. В данной работе автор использует данные варианты как синонимы.

[2] А.В. Павлов указывает, что приставку «sur» было бы корректнее переводить на русский как «сверх» или «над» [13. С. 71].

Иными словами, постмодерн как течение превращается в такой же мертворожденный проект западноевропейской и американской культурной истории, каким некогда был соцреализм в истории культуры стран Восточной Европы: огромное количество произведений искусства, статей, диссертаций и книг вдруг становятся неактуальными, а спекулирующая на фоне постмодерна мысль – тщетной. В этих условиях постмодерн лишается своей онтологии, превращаясь во фрагмент культурного развития цивилизации модернити, на чем изначально настаивал ряд историков [17]. Постмодерн становится сиюминутным, и такими же окажутся все остальные *модерны*. И несмотря на настойчивое желание найти в постмодерне что-то принципиально новое, что-то отличающее мир конца XX в. от предшествующего периода, правы оказывались скептики, наподобие Ю. Хабермаса считавшие модерн незавершенным; правы по причине, на которую изначально указывал Лиотар: постмодерн – часть модерна, устремленная в будущее и нацеленная на обновление. Все вышеперечисленные концепции *n*-модерна – это конкретные формы, которые принимает постмодернистская критика модерна в попытке ухватить современность, что актуализирует вопрос о современности как феномене, совечном человеку, в котором человек существует и который он создает. Именно современность связывает между собой модерн, постмодерн и межцивилизацию. И не следует умножать современность без необходимости.

Цивилизация и культура, модерн и постмодерн, межцивилизационная эпоха – крупные тотальные тектонические пласты, образующие либо основание современности, либо ее вершину: современность отталкивается *от* и влияет *на*, она образуется в среде и преобразует среду, конфигурирует, переконфигурирует и создает новое экзистенциальное пространство человеческого *со*-бытия в пространстве-времени, обретающем объемную форму. Цивилизация в этом пространстве – пласт первый и основной, самый консервативный. Цивилизация *задается* не только усилиями человека, человеческого сообщества, но и факторами «вызова» (А. Тойнби) – природной средой формирования. В.В. Емельянов [18. С. 7–19] выделяет ряд ценностных векторов, напрямую зависимых от ландшафта, где выросла та или иная цивилизация: 1) безлесные равнины и полноводные реки способствуют складыванию невоинственной земледельческой цивилизации; 2) сочетание горных и пустынно-степных районов, образуемая в результате такого сочетания засушливая местность способствуют складыванию воинственной кочевой цивилизации с сильным духом коллективизма (человеку сложно надеяться только на себя); 3) близость моря, прибрежный характер жизни, влияют на открытость, готовность к постоянным изменениям, заставляют ценить свободу, прогресс, независимость; 4) лес как среда обитания влияет на мистический характер цивилизации, обращая внимание ее коллективного актора не столько в мир внешний, сколько во внутренний. Емельянов отмечает, что в каждой цивилизации скрещивается несколько таких векторов, но в итоге доминировать начинает какой-то один. Поэтому любой разговор о культуре и цивилизации Емельянов считает правильным начинать с изучения того, что географическое положение диктует культуре.

Географическая среда, влияющая на менталитет, воздействует на формирование религии. *Среда, менталитет, религия – три кита цивилизации как порядка*, придающего форму большому социальному телу, отграничивающе-

го одно такое тело от другого. Отсюда региональный характер цивилизаций – особенность пространственного размещения, соотношения типов ландшафта и доминирующего народа. Религия обеспечивает устойчивость и преемственность цивилизации. А временной характер цивилизация обретает в рациональности.

Рациональность – форма социального разума. Это не бессознательное менталитета с его предустановленными паттернами, а подвижная ткань культуры. Сама культура – вечно меняющаяся проективность новой цивилизации, на становление которой нужны значительное время и изменения в образе жизни, связанные прежде всего с технологиями. «Культура перманентно трансформируется в цивилизацию» [19. С. 96]. Культура – набор текущих значений, принятых определенной социальной группой, масштаб которой может колебаться. Отсюда градации культуры. Отсюда употребление термина в родительном падеже (до XVII в.). Культура чья-то. Культуру *кто-то носит*. Культуру выбирают, усваивают, сознательно изменяют. Культурное поле договорное: о культуре *договариваются сейчас*, а не *договорились раньше*, как в случае с цивилизацией. Культура – часть цивилизационной динамики, которая не столько меняет цивилизацию, сколько *наполняет* ее смысловыми и ценностными горизонтами. Христианская цивилизация не меняется, но в ее рамках существуют культура Средних веков, культура модерна, культура России, культура Франции, культура готов, т.е. множество конкретного смысло-ценностного наполнения, справедливого для социальных групп, размещенных в пространственно-временных локациях. В конечном счете культура – такой же воображаемый (Б. Андерсон [20]) проект, как нация: нас либо принуждают к культуре, либо мы усваиваем ее сознательно, относя себя, стремясь относиться к какой-либо референтной группе. Цивилизация усваивается исподволь. Именно поэтому основная часть России и Кавказ за столько лет совместного существования не могут найти общий язык – мешает серьезный цивилизационный разлом.

Культура не меняет цивилизации. Культура находится в пространстве повседневности, обыденности. Она ценится. Цивилизация меняется политически (Ж. Рансьер). Цивилизация меняется декларацией [21], производимой на площадях (А. Бадью). Слом цивилизации – это революционный процесс проваливания в межцивилизацию. Он может ощущаться, может происходить практически незаметно, но его результат – изменение нормативной структуры: деконструкция одной системы и созидание другой, отмирание действия старых норм. Именно различие Уайльда и Джойса позволило теоретикам искусства говорить о постмодерне: строгая, наполненная блестящими афоризмами и парадоксами проза Уальйда – один из пиков классического литературного нарратива – распадается в игровом повествовании Джойса, играющего со всем, с чем только может баловаться писатель: стилем, словами, синтаксисом. Это же происходит в живописи. Но пространство искусства – пространство культуры. Оно влияет на политику, но остается зависимым от нее. Поэтому формы перетекают, трансформируются, исчезают и возникают новые: культура постоянно ищет, меняется с каждым новым поколением и под воздействием каждого нового субъекта, вступающего в диалог современности, *диалог-со-временем*. Культура в XX в. как минимум дважды пыталась выйти на площадь, дважды казалось, что ей это удалось – в 1917 и 1968 гг.,

но оба раза «мост перевернулся в воздухе и упал на прежнее место» («По следам бременских музыкантов»): культурные трансформации остались в традиции цивилизации модерна, разрыва не произошло, межцивилизационной эпохи не настало. Как минимум мы ее не ощущаем: несмотря на самые разнообразные социальные изломы, мы продолжаем жить в обществе модерна, ценности которого были удачно обозначены (резюмированы) Э. Гидденсом: Разум, Эмансипация, Прогресс [6]. Наше сегодняшнее общество все еще продолжает бороться за достижение этих ценностей, сформулированных на заре модернити.

Фактически межцивилизационная эпоха – эпоха слома онтологических представлений человечества о своем статусе, о своем отношении с богами – персонификацией бытия. «Революция всегда направлена против богов – начиная с революции Прометея», – писал А. Камю [22. С. 62]. Межцивилизационная эпоха ломает божественное, ломает религиозный канон, цементирующий цивилизацию. Поэтому межцивилизационная эпоха – эпоха между Античностью и христианством, между христианством и секуляризмом модерна. Иными словами, на сегодняшний день мы живем именно в межцивилизационной эпохе, когда ценности христианства практически деконструированы, но все еще имеют после себя сильный конденсационный след в сознании людей, а ценности модерна почти установлены, но до них еще длительный политический путь. В результате ни старая система не разрушена полностью (в отличие от античного упрощения мира [23]), ни новая не смонтирована окончательно: для этого человечеству еще предстоит реализовать программы Канта и Маркса.

Если цивилизация – основа, культура – ее наполнение конкретно-смысловым содержанием для «живых человеческих индивидов» (К. Маркс), то модерн – форма цивилизационной устойчивости и цивилизационного выражения, заявляющая о себе через средства искусства (литература, скульптура, живопись) и форму политического действия, заявленные политические ценности, объявленного «светлого будущего». Цивилизация – способ различения *нас* от *них* во временной горизонтали, культура – различение *нас* от *них* в локации, модерн – различение нас от них в вертикали, т.е. на шкале времени. Постмодерн – перманентная попытка нащупать основания грядущего, трансформировать модерн под задачи текущего поколения. А современность – это ситуация, в которой рождаются постмодерн, модерн, культура и цивилизация. Современность рождается благодаря действию субъектов, которые реализуют свое действие в форме политического высказывания.

Политическое пространство состоит из кругов современности: объединяет и представляет их. Именно анализируя политическое (и историческое), проще всего приблизиться к пониманию современности. Именно в политическом смыкаются и отражаются разобранные выше пространства: цивилизация как граница, культура как формы, модерн как ценности, постмодерн как возможность, субъект как актор и современность как рефлексия настоящего (прошлое встроено в настоящее) и проекция (изобретение) будущего, осуществляемые субъектом. Ткань политического дополнительно образуют поля обыденности, революционности и утопии, в которых физически и ментально находится субъект – это поля ситуации и возможности, поля когнитивной активности, где происходит изобретение новой ситуации.

А. Бадью определяет политику как субъективную деятельность, способную производить новые истины [24. С. 10]. Безусловно, истина – ключевое понятие философии и основная цель деятельности субъекта: пытаясь мыслить и действовать, субъект пробует тем или иным способом интерпретировать свое бытие, схватить его, ухватить его смысл, надеется, что его интерпретация будет максимально полно соответствовать реальности (если перечитать Аристотеля в духе XX в.). Субъект по-разному постигает смысл собственного бытия. Инструментарием этого постижения служат, как опять же указал А. Бадью, любовь, поэма, матема и политика [25. С. 15–16]. Любовь открывается каждому на том или ином этапе и открывает (или приоткрывает) человеку истину о мире, о его связи с миром. Искусство – эмоциональный акт познания мира и возможность дать бытию высказаться через себя. Человек искусства – в большей степени рупор бытия. И в искусстве схватывается время. Время отражается, время анализируется, время изменяется. Искусство – самая динамичная сфера современности. Это сама современность, воплощенная в форме высказывания субъекта. По этим высказываниям мы можем судить о происходящем *сейчас*.

Наука – рациональный способ принять бытие, вписать в понятные и усвояемые, транслируемые границы, научиться с ним сосуществовать. Наука – хотя и процедура истины, а также способ получения субъектом знания о себе самом и о мире, она большее контемпоральна, чем современна, более технична и специализирована. Наука опредмечивает (М. Хайдеггер). Наука нацелена на частное, а ее итоговая всеобщность слишком механистична и неэкзистенциальна. Наука дает нам истину, но истину о существующем, а не бытийствующем. И потому она необходима, но мертва без иных процедур (в частности, без философии, встраивающей науку в аппарат субъекта, придающего ей иное измерение).

Однако все эти процедуры – эрос, стремящийся к агапэ; наука, поднимающаяся к философии; искусство само по себе – обретают значимость, выходя на пространство политики, позволяющей реализовать проекции. Все перечисленные процедуры позволяют создать проект: ракурс зрения субъекта, модель усовершенствования сущего. Но реализация этой модели, ее обсуждение происходят на полифокальной политической площадке. Не в рутинном понимании парламента, а в широком понимании вербализованной декларации (трактат, стихотворение, картина) или декларации площадей: «Мы не рождены для того, чтобы убивать, или для того, чтобы быть убитыми. Только для того, чтобы быть услышанными» (Субкоманданте Маркос). Исторически соотношение субъективности-мысли и политики можно проследить, обратясь к Иудее времен римского владычества: внутриполитическая локальная площадка кипела от вариантов Спасения (фарисеи, саддукеи, зелоты – у каждой секты могли быть крылья; бродячие проповедники), но эти варианты ни идеологически, ни на уровне физических носителей не интересовали римские власти до тех пор, пока не начинали представлять собой реальной политической угрозы.

Политика – способ изменения. Политика – ситуация постмодерна. Политика не существует в модерне, отсутствует в ситуации стабильности. «Политика *имеет место* время от времени» [26. С. 14]. Она периодически исчезает из публичного пространства. Наличие или исчезновение политики – симптом

наличия или существования субъективности (или ее сна), потому что политика – реализация деятельности субъекта как актора культуры. В.И. Ленин писал, что массы делятся на классы, классы представлены партиями, а управляются выбираемыми вождями [27. С. 22]. Однако Ленин говорит о выборе вождей. Но вождей не выбирают. Формулу Ленина нужно перевернуть с ног на голову, чтобы понять, что такое современность: сначала существует вождь (субъект), потом множества (партии), потом классы (массы).

Политический вождь – фигура не назначаемая, но фигура мысли, воплощение мысли. Вождь – это мысль, *cogito*, субъект. Вернее, политический вождь. Прежде всего, вождь – это субъект, постигший в мысли свое время (Гегель) и высказавший свое понимание времени и направление, в котором следует идти во имя грядущего. Сократ говорил о философской истине, Иисус – о Царствии Небесном, Будда – о взгляде внутрь, Маркс – о необходимости менять мир. Кальвинизм, маоизм, фрейдизм суть политические имена вождей, имена субъектов-современников, которые продолжают жить и говорить *вне* времени, будучи современными текущему, живущему, находясь в диалоге с *сейчас*, в диалоге с субъектом времени N. Особенность субъекта современности в том, что он находится не в плоскости, а в объеме: его положение не датируется временем физической жизни, а соотносится с временем существования высказанной Идеи. Субъект современности находится в диалоге со своим современником в момент жизни этого современника, в момент актуализации высказанного, в момент развития Мысли и диалога двух Мыслей. В результате *изм* субъекта остается *со*-временным субъекту на полифокальной площадке перманентно. И в качестве политического вождя субъект не выбирается, а занимает место. Субъект в качестве политического вождя не столько выбирается, сколько оказывается: его не выдвигают, но к нему приходят. Субъекта не выбирают, но признают. Субъект – это тот, кто держит ключ (к бытию) и свечу (для движения).

Однако субъект современности чаще занимает место Познания и Постижения, место Объявления и Говорения. Ресурс субъекта современности чаще уходит на мысль. Мысль, понятную как акт. В политическое субъект современности входит как высказанное, соприкасающееся с высказанным, как проект, бьющийся об ограждение существующего, о забор ситуации[1]. Вооружение субъекта современности – вымысел, утопия, где сосредоточен его план спасения, опирающийся на агапэ – «Истинным революционером движет великая любовь» (Че Гевара) – и интерпретацию мира (философию). Оружие субъекта современности – слово (перо, кисть, видеокамера; слово в широком понимании текста). С этим оружием субъект выходит на коммуникативное ристалище, где схлестывается с другими субъектами – *со*-временниками, т.е. Другими, ухватившими время, писавшими и пишущими, но благодаря Слову находящимися в *сейчас*. Все вместе они образуют полифокальную и перманентную *со*-временность.

Тем не менее субъект современности реализуется признанием. Субъект как мысль не в состоянии действовать полноценно на политическом поле, потому что помимо высказывания политика нуждается в реализации. Нужен кто-то, кто воплощает провозглашенное в жизнь – кто призывает, мобилизу-

[1] Ситуация как порядок, Событие как возможность в терминах А. Бадью.

ет, возглавляет, осуществляет и утверждает. Помимо провозглашения нужно утверждение. Для превращения в модерн постмодерну требуется инсталляция. Актору необходимы агенты. Таким образом, у субъекта современности в орбите обязательно должен находиться апостол, круг апостолов, которые расширяют влияние субъекта и реализуют его в политическом.

Иными словами, *вокруг субъекта складывается множество* (А. Негри, М. Хардт).

Объединение субъекта и множества – это не марксистский жест образования массы как коллективного субъекта, в котором все сливается в единый монолит и Я растворяется в Мы; Я должно следовать общей воле Мы. Это идеалистические представления: Мы никогда не обладает ни волей, ни мыслью, ни действием, если за действие не считать стихийный эмоциональный всплеск. За Мы всегда стоит Я. Именно Я мыслит, именно Я организует, именно Я действует, именно Я *воображает,* именно Я девиантно Символическому. Мы – это агенты Я. Даже если Мы становится массой, в которой нивелированы все Я (предположить такое Мы в абсолюте), то эта масса все равно будет действовать, опираясь на *мертвое Я*, т.е. на некоторую сказанную мысль, чей физический носитель остался в прошлом, но которая как чистая субъективность дошла до *сейчас*, как это проявляется в известном лозунге «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить!». Для самой выхолощенной массы нужно свое Реальное, нужен свой Ленин, т.е. свой субъект.

Поэтому объединение субъекта и множества – это не марксистский ход, это ситуация современности: субъект переживает и проецирует современность, а *множество участвует в реализации программы субъекта*. В политическом поле взаимодействуют субъекты. Множества создают субъекту то, что можно было бы назвать силовым полем: поля соприкасаются, взаимо(воз)действуют, сливаются и поглощаются в пространстве-времени. Если субъекты ведут Диалог, то множества осуществляют террор: множества не мыслят, но пытаются навязать. Именно множества осуществляют политическую борьбу, осуществляют революцию, структурируют Символическое. Множество следует. Множество вооружено Книгой, но оно не находится среди книг.

В связи с тем что политическое пространство современности структурируется наличием в нем субъекта и множества, а субъектов и множеств масса, ткань политического в современности (как и ткань современности) полиморфна и изоморфна, а сфера политики – сфера раскола и События. Политическое изначально расколото противоречием, потому что соткано из утопий. Каждая утопия – проект грядущего, родившийся в голове субъекта (*esse est percipi*), воспринятый множеством и им же реализуемый как *praxis*[1]. На политической площадке в форме экзистенциального диалога происходит столкновение утопических проектов, а случай победы одного из них, реализации одного из них есть ситуация революции, ситуация События, ситуация рождения нового – момент, когда общество может оказаться в межцивилизации и изобрести что-то совершенно новое: либо новый модерн, либо новую цивилизацию. Событие существует, Событие случается, Событие – часть политического, но Событие не всегда реализуется, часто оказывается похоронен-

[1] *Praxis* – слово, означавшее у античных греков вид свободной, самоорганизуемой деятельности, посредством которой мы преобразуем мир.

ным. Революция 1789 г. – Событие, утвердившее в рамках христианской цивилизации модерн Нового времени вместо модерна Средневековья, но не поменявшая саму цивилизацию. Революция 1917 г. – попытка до конца реализовать заветы 1789 г., т.е. завершить модерн Нового времени (модерн – завершенный проект, перефразируя Ю. Хабермаса). Революция 1917 г. – ницшеанское повторение, призванное завершить, но оказавшееся половинчатым. Революция 1968 г. – еще одно повторение. Идея Просвещения – Sapere aude – остается нереализованной, и до момента ее реализации Новое время будет незавершенным. Сегодня А. Бадью указывает на проблему отсутствия вымысла [28. С. 104], сожалеет об отсутствии События в политике после 1970-х гг. Думается, проблема тут в том, что нереализованное наследие Просвещения не позволяет перейти к новому: требуется перейти в ситуацию нового модерна (мы не знаем, каким он должен быть, но это точно не просто ирония, цифровизация или новая наивность), а может, в ситуацию новой цивилизации, чтобы образовались новые формы вымысла, новые формы События. Сегодня мы имеем нереализованный вымысел Канта, Маркса, Кропоткина, Сартра, позволяющий людям реализоваться в качестве свободных самостей, но вымысел, подавляемый господствующей системой капиталистического парламентаризма. В настоящем мы имеем дело не просто с нереализованным потенциалом современности, но с наступлением на этот потенциал со стороны Империи, нового правового мирового порядка без границ и пределов, когда крупные фигуры этой Империи (такие как Б. Гейтс или Г. Греф) говорят о недопустимости критического мышления для всех, ратуют за введение онлайн-образования, множественного образования, т.е. в обоих случаях недообразования (исключая из этого своих собственных детей), превращения людей в идеальных потребителей (Э. Шмидт, Д. Коэн). Происходит вытеснение События из поля политики, как и самой политики, как и самой субъективности. В настоящем искусство и философия продолжают мыслить, продолжают схватывать и транслировать бытие, но происходит распад множеств и политическое распадается.

В результате задача политики в ситуации современности происходит через реализацию утопии (мысли-диспозитива) субъекта, поддержанной множеством (сложившегося вокруг субъекта общества сторонников / последователей) прийти к Событию (революции), служащему для запуска нового Символического (модерна или цивилизации). Политика таким образом образует один из ключевых кругов современности, с одной стороны, венчая, с другой – находясь в основе культурной матрицы. Круги перманентной современности в результате составляются из следующих структурных элементов: 1) цивилизации (основы, задаваемые условиями и отражающиеся в менталитете, усваиваемые априорно); 2) модерна (устойчивой ценностной шкалы цивилизации, выражающейся в художественной практике и формах политического запроса, в том числе на уровне тезисов «время – деньги», «Разум, Эмансипация, Прогресс» и проч.); 3) культуры (формы общественной жизни в условиях модерна, принимающей микро- и макроформы); 4) постмодерна (ситуации нащупывания новых оснований, разворачивающейся в горизонте культуры, но имеющей целью модерн и цивилизацию); 5) межцивилизационной эпохи (положение слома); 6) субъекта (человека, реализующего собственную самость и создающего проект социального будущего);

7) множества (сообщества последователей, складывающегося вокруг субъекта); 8) политики (процедуры реализации современности в поле интерсубъективности, итогового механизма культурной трансформации, где вместе сливаются любовь, философия и искусство, а основными движителями оказываются субъект, утопия и революция, таящиеся в пространстве обыденности). При этом цивилизация и политика образуют статико-динамическое целое, в границах которого складывается и разворачивается культура в широком понимании этого слова.

Список источников

1. *Freund W.* Modernus und andere Zeitbegriffe des Mittelalters // Köln and Graz: Neue Münstersche Beiträge zur Geschichtsforschung. 4. 1957. S. 27–40.
2. *The American* Heritage Dictionary of the English Language, Fifth Edition // American Heritage Dictionary. URL: http://www.ahdictionary.com/word/search.html?q=modern&submit.x=0&submit.y=0 (accessed: 09.01.2021).
3. *Бодлер Ш.* Об искусстве. М. : Искусство, 1986. 422 с.
4. *Weber M.* The Theory of Social and Economic Organization. Glencoe, Ill.: The Free Press; The Falcon's Wing Press, 1947. X. 436 p.
5. *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций. М. : Весь Мир, 2008. 416 с.
6. *Гидденс Э.* Последствия современности. М. : Праксис, 2011. 352 с.
7. *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. М. : Алетейя, 2014. 160 с.
8. *Лиотар Ж.-Ф.* Постмодерн в изложении для детей: Письма: 1982–1985. М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2008. 145 с.
9. *Гречко П.К.* Интеллектуальный импорт, или О периферийном постмодернизме // Общественные науки и современность. 2000. № 2. С. 166–177.
10. *Павлов А.В.* Цивилизация и межцивилизационная эпоха // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2012. № 3. С. 17–27.
11. *Павлов А.В.* Межцивилизационная эпоха. Поколение выбора // Социум и власть. 2016. № 3 (59). С. 17–24.
12. *Бауман З.* Текучая современность. СПб. : Питер, 2008. 240 с.
13. *Павлов А.В.* Образы современности в XXI веке: сверхмодернизм // Философия и современность. 2019. № 1. С. 69–83.
14. *Kirby A.* The death of postmodernism and beyond // In Philosophy now: A magazine of ideas, L. 2006. № 58. P. 34–37.
15. *Hutcheon L.* The Politics of Postmodernism. New York ; London : Routledge, 2002. 222 p.
16. *Hassan I.* Beyond Postmodernism: Toward an Aesthetic of Trust // In Modern Greek Studies (Australia and New Zealand). 2003. Vol. 11. P. 303–316.
17. *Хобсбаум Э.* «Масштаб посткоммунистической катастрофы не понят за пределами России» // Научно-просветительский журнал «Скепсис». URL: https://scepsis.net/library/id_421.html (дата обращения: 12.01.2021).
18. *Емельянов В.В.* Ценностные системы культур Востока: между нормой и идеалом // Идеалы. Ценности. Нормы : материалы VI Междунар. науч. конф. по востоковедению (Торчиновские чтения). 3–6 февраля. 2010. С. 7–19.
19. *Чупров А.С.* Культура и цивилизация: тождество противоположностей // Социум и власть. 2020. № 5 (85). С. 95–104.
20. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-пресс-Ц : Кучково поле, 2001. 288 с.
21. *Бадью А.* Восточный ветер сбивает западную спесь // URL: https://www.strategium.ru/forum/topic/12090-vostochnyiy-veter-sbivaet-zapadnuyu-spes/ (дата обращения: 05.01.2021).
22. *Камю А.* Сочинения : в 5 т. Харьков : Фолио, 1998. Т. 5. 410 с.
23. *Павлов А.В.* Перспективы неомодерна. Философия новой эпохи // Социум и власть. 2017. № 2 (64). С. 85–90.
24. *Бадью А.* Философия и событие. Беседы с кратким введением в философию Алена Бадью. М. : Институт общегуманитарных исследований, 2013. 192 с.
25. *Бадью А.* Манифест философии. СПб. : Machina, 2003. 184 с.
26. *Бадью А.* Рапсодия для театра. Краткий философский трактат. М. : Модерн, 2011. 96 с.

27. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. М. : Изд-во полит. литературы, 1981. Т. 41. 696 с.

28. *Бадью А.* Загадочное отношение философии и политики. Ин-т общегуманитарных исследований, 2013. 112 с.

References

1. Freund, W. (1957) Modernus und andere Zeitbegriffe des Mittelalters. *Köln and Graz: Neue Münstersche Beiträge zur Geschichtsforschung*. 4. pp. 27–40.

2. Ahdictionary.com. (n.d.) *The American Heritage Dictionary of the English Language*. 5th ed. [Online] Available from: http://www.ahdictionary.com/word/search.html?q=modern&submit.x=0&submit.y=0 (Accessed: 9th January 2021).

3. Baudelaire, C. (1986) *Ob iskusstve* [About Art]. Translated from French. Moscow: Iskusstvo.

4. Weber, M. (1947) *The Theory of Social and Economic Organization*. Glencoe, Ill.: The Free Press; The Falcon's Wing Press.

5. Habermas, J. (2008) *Filosofskiy diskurs o moderne. Dvenadtsat' lektsiy* [Philosophical Discourse on Modernity. Twelve Lectures]. Translated from German. Moscow: Ves' Mir.

6. Giddens, A. (2011) *Posledstviya sovremennosti* [The Consequences of Modernity]. Translated from German. Moscow: Praksis.

7. Lyotard, J.-F. (2014) *Sostoyanie postmoderna* [The Postmodern Condition]. Translated from French. Moscow: Aleteyya.

8. Lyotard, J.-F. (2008) *Postmodern v izlozhenii dlya detey: Pis'ma: 1982–1985* [Postmodern for Children: Letters: 1982–1985]. Moscow: Russian State University for the Humanities.

9. Grechko, P.K. (2000) Intellektual'nyy import, ili O periferiynom postmodernizme [Intellectual Import, or About Peripheral Postmodernism]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' – Social Sciences and Contemporary World*. 2. pp. 166–177.

10. Pavlov, A.V. (2012) Civilization and the inter-civilizational epoch. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya – Perm University Herald. Series "Philosophy. Psychology. Sociology."* 3. pp. 17–27. (In Russian).

11. Pavlov, A.V. (2016) Intercivilizational epoch: generation of choice. *Sotsium i vlast' – Society and Power*. 3(59). pp. 17–24. (In Russian).

12. Bauman, Z. (2008) *Tekuchaya sovremennost'* [Liquid Modernity]. St. Petersburg: Piter.

13. Pavlov, A.V. (2019) Obrazy sovremennosti v XXI veke: sverkhmodernizm [Images of Modernity in the 21st Century: Supermodernism]. *Filosofiya i sovremennost'*. 1. pp. 69–83.

14. Kirby, A. (2006) The death of postmodernism and beyond. *Philosophy now: A Magazine of Ideas*. 58. pp. 34–37.

15. Hutcheon, L. (2002) *The Politics of Postmodernism*. New York; London: Routledge.

16. Hassan, I. (2003) Beyond Postmodernism: Toward an Aesthetic of Trust. *Modern Greek Studies (Australia and New Zealand)*. 11. pp. 303–316.

17. Hobsbawm, E. (n.d.) *Masshtab postkommunisticheskoy katastrofy ne ponyat za predelami Rossii* [The scale of the post-communist catastrophe is not understood outside of Russia]. [Online] Available from: https://scepsis.net/library/id_421.html (Accessed: 12th January 2021).

18. Emelyanov, V.V. (2010) Tsennostnye sistemy kul'tur Vostoka: mezhdu normoy i idealom [Value systems of cultures of the East: between the norm and the ideal]. *Idealy. Tsennosti. Normy* [Ideals. Values. Norms]. Proc. of the 6th Conference. February 3–6, 2010. pp. 7–19.

19. Chuprov, A.S. (2020) Culture and civilization: the identity of opposites. *Sotsium i vlast' – Society and Power*. 5(85). pp. 95–104. (In Russian). DOI: 10.22394/1996-0522-2020-5-95-104

20. Anderson, B. (2001) *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostranenii natsionalizma* [Imagined communities. Reflections on the origins and spread of nationalism]. Moscow: KANON-press-Ts: Kuchkovo pole.

21. Badiou, A. (n.d.) *Vostochnyy veter sbivaet zapadnuyu spes'* [The east wind knocks down the western arrogance]. [Online] Available from: https://www.strategium.ru/forum/topic/12090-vostochnyiy-veter-sbivaet-zapadnuyu-spes/ (Accessed: 5th January 2021).

22. Camus, A. (1998) *Sochineniya: v 5 t.* [Works: in 5 vols]. Vol. 5. Kharkov: Folio.

23. Pavlov, A.V. (2017) Prospects of neomodernism. Philosophy of new epoch. *Sotsium i vlast' – Society and Power*. 2(64). pp. 85–90. (In Russian).

24. Badiou, A. (2013) *Filosofiya i sobytie. Besedy s kratkim vvedeniem v filosofiyu Alena Bad'yu* [Philosophy and event. Conversations with a Brief Introduction to the Philosophy of Alain Badiou]. Translated from French. Moscow: Institute for General Humanitarian Research.

25. Badiou, A. (2003) *Manifest filosofii* [Manifesto of Philosophy]. Translated from French. St. Petersburg: Machina.

26. Badiou, A. (2011) *Rapsodiya dlya teatra. Kratkiy filosofskiy traktat* [Rhapsody for the Theater. A Short Philosophical Treatise]. Translated from French. Moscow: Modern.

27. Lenin, V.I. (1981) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 41. Moscow: Izd-vo polit. literatury.

28. Badiou, A. (2013) *Zagadochnoe otnoshenie filosofii i politiki* [Mysterious relationship between philosophy and politics]. Translated from French. Moscow: Institute for General Humanitarian Research.

Сведения об авторе:
Мальцев Я.В. – кандидат философских наук, доцент кафедры новой истории и мировой политики Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: maltsevyaroslav@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:
Maltsev Ya.V. – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Modern History and World Politics Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: maltsevyaroslav@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.01.2021;
одобрена после рецензирования 20.07.2022; принята к публикации 26.08.2022
The article was submitted 15.01.2021;
approved after reviewing 20.07.2022; accepted for publication 26.08.2022